

П. Р. ЗАБОРОВ

«НОЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ»
ЮНГА В РАННИХ РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

В последней трети XVIII в. в русской литературе обнаруживаются, едва уловимые прежде, новые тенденции, которые со все возрастающей отчетливостью проявляются в творчестве многих писателей и в самых разных жанрах. Возникшие в силу внутренних потребностей русской литературы как закономерный этап русского литературного процесса, эти новые устремления, однако, во многом связаны с аналогичными и хронологически им предшествовавшими явлениями некоторых западноевропейских литератур, с творчеством французских, немецких и прежде всего английских писателей-преромантиков. Важное место в их ряду принадлежит Эдуарду Юнгу.

Автор трех драматических сочинений («Бузирис», «Мечь», «Братья»), сатирического цикла «Тщеславие, всеобщая страсть», стихотворений, речей и трактатов, Эдуард Юнг вошел в историю литературы главным образом как творец «Ночей», или «Ночных размышлений» («The Complaint, or Night Thoughts», 1742—1746).¹ Написанная в традициях столь распространенного в классической поэзии дидактического жанра, знаменитая поэма Юнга была в то же время произведением глубоко своеобразным. Страстная взволнованность нравственно-философской проповеди Юнга, направленной против крайностей гедонизма, против светского «остроумия» и вольнодумства, напряженный драматизм его поэтических монологов, меланхолический тон его медитаций — все это явилось важным художественным открытием в глазах его современников, уже давно мечтавших о поэзии более личной и глубокой по сравнению с рассудочной поэзией «здорового смысла».² Поэзия

¹ См.: Н. Pettit. The dating of Young's Night Thoughts. — «Modern Language Notes», 1940, march, стр. 194—195.

² Об этом см.: W. Thomas. Le poète Edward Young (1683—1765). Etude sur sa vie et ses oeuvres. Paris, 1901.

его мыслей и суждений,⁸ и с этого времени интерес к нему во Франции еще больше возрастает.

«О Юнг, лишь тебе было даровано благодаря собственным слабостям и страданиям понять величие и достоинство человека и озарить лучами жизни могильный мрак», — восклицал, например, в предисловии к стихотворению И.-Ф. Кронегка «Одиночество» («Einsamkeiten») его анонимный французский переводчик, как бы предваряя слова самого немецкого поэта, который безудержно восхищался бессмертными «Ночами» британского певца и противопоставлял их «величавую серьезность» тихим жалобам Овидия и ламентациям Тибулла.⁹

В 1762—1764 гг. К. Тиар де Бисси напечатал свой перевод первой и второй «Ночей». Наконец, в 1769 г. вышел в свет полный французский перевод всех девяти «Ночей», выполненный Пьером Летурнером.¹⁰

В предпосланном его переводу обширном предисловии («Discours préliminaire») Летурнер счел необходимым «представить» английского поэта французскому читателю. Автор «Ночей», в его понимании, был непримиримым врагом всякой подражательности. «Необыкновенный человек», он был рожден для того, чтобы создать нечто глубоко самобытное, нечто новое. И он выполнил эту задачу: его поэма — сочинение единственное в своем роде — самая возвышенная элегия о страданиях человеческих, когда-либо выходявшая из-под пера поэта.

Но все же, полагал Летурнер, в «Ночах» легко обнаружить немало серьезных недостатков. Бесконечное повторение на разные лады одних и тех же мыслей, постоянное возвращение к одним и тем же поэтическим образам, некоторая хаотичность в построении — все это значительно снижает ценность произведения. Отсюда задача переводчика: извлечь из английского Юнга — Юнга французского, иными словами, приспособить поэму к национальным вкусам, примирив ее удивительное своеобразие с классической традицией.¹¹

Сам Летурнер сравнивал свой труд с работой архитектора, возводящего здание из беспорядочно разбросанных и нагроможденных кирпичей. Действительно, перевод Летурнера сильно отличался от английского подлинника. Убеденный в том, что ему предстоит не только донести произведение Юнга до читающей Франции, но и по возможности его «исправить» и «улучшить», он при переводе внес в поэму множество различных изменений. Девять песен, составляющие «Ночные размышления», он разбил на двадцать четыре, последовательность которых лишь очень

⁸ *Pensées angloises sur divers sujets de religion et de morale*. Amsterdam, 1760.

⁹ «*Journal étranger*», 1762, juin, стр. 305—307.

¹⁰ *Les nuits d'Young*, traduites de l'anglois par Le Tourneur. Paris, 1769.

¹¹ См.: M.-G. C u s h i n g. *Pierre Le Tourneur*. New York, 1908, стр. 43—79.

его мыслей и суждений,⁸ и с этого времени интерес к нему во Франции еще больше возрастает.

«О Юнг, лишь тебе было даровано благодаря собственным слабостям и страданиям понять величие и достоинство человека и озарить лучами жизни могильный мрак», — восклицал, например, в предисловии к стихотворению И.-Ф. Кронегка «Одиночество» («Einsamkeiten») его анонимный французский переводчик, как бы предвывая слова самого немецкого поэта, который безудержно восхищался бессмертными «Ночами» британского певца и противопоставлял их «величавую серьезность» тихим жалобам Овидия и ламентациям Тибулла.⁹

В 1762—1764 гг. К. Тиар де Бисси напечатал свой перевод первой и второй «Ночей». Наконец, в 1769 г. вышел в свет полный французский перевод всех девяти «Ночей», выполненный Пьером Летуэрнером.¹⁰

В предпосланном его переводу обширном предисловии («Discours préliminaire») Летуэрнер счел необходимым «представить» английского поэта французскому читателю. Автор «Ночей», в его понимании, был непримиримым врагом всякой подражательности. «Необыкновенный человек», он был рожден для того, чтобы создать нечто глубоко самобытное, нечто новое. И он выполнил эту задачу: его поэма — сочинение единственное в своем роде — самая возвышенная элегия о страданиях человеческих, когда-либо выходившая из-под пера поэта.

Но все же, полагал Летуэрнер, в «Ночах» легко обнаружить немало серьезных недостатков. Бесконечное повторение на разные лады одних и тех же мыслей, постоянное возвращение к одним и тем же поэтическим образам, некоторая хаотичность в построении — все это значительно снижает ценность произведения. Отсюда задача переводчика: извлечь из английского Юнга — Юнга французского, иными словами, приспособить поэму к национальным вкусам, примирив ее удивительное своеобразие с классической традицией.¹¹

Сам Летуэрнер сравнивал свой труд с работой архитектора, возводящего здание из беспорядочно разбросанных и нагроможденных кирпичей. Действительно, перевод Летуэрнера сильно отличался от английского подлинника. Убеденный в том, что ему предстоит не только донести произведение Юнга до читающей Франции, но и по возможности его «исправить» и «улучшить», он при переводе внес в поэму множество различных изменений. Девять песен, составляющие «Ночные размышления», он разбил на двадцать четыре, последовательность которых лишь очень

⁸ *Pensées angloises sur divers sujets de religion et de morale*. Amsterdam, 1760.

⁹ «*Journal étranger*», 1762, juin, стр. 305—307.

¹⁰ *Les nuits d'Young, traduites de l'anglois par Le Tourneur*. Paris, 1769.

¹¹ См.: M.-G. Cushing. *Pierre Le Tourneur*. New York, 1908, стр. 43—79.

приблизительно соответствует исходной. Некоторые разделы он опускал, другие (и среди них — большинство теологических рассуждений) переносил в раздел примечаний. Он смягчал резкость содержащихся в поэме увещаний и обвинений, придавал ее яркой образности более рационалистический характер и вносил «гармонию» в ее неровный, как ему казалось, стиль.

Таким образом, под пером Летуэрнера «Ночи» приобретали если не совершенно новое, то, во всяком случае, несколько иное, по сравнению с оригиналом, звучание. В переводе поэма оказывалась в большей степени нравственно-философской, нежели теологической; в то же время она была освобождена от многих черт художественного своеобразия, чуждых французскому классическому вкусу, и в этом своем «упорядоченном» виде стала на долгие годы для французских поэтов, сочувствовавших новым веяниям в литературе, любимым чтением и непревзойденным образцом медитативной поэзии, и прежде всего «ночного» жанра.

Вскоре после появления на французском языке «Ночей» и последовавшего затем издания «Разных сочинений» Юнга, также в переводе Летуэрнера, начали выходить в свет один за другим стихотворные переводы отдельных частей поэмы. В 1770 г. А.-Г. де Муасси в стихах, впрочем весьма посредственных, изложил несколько «философских истин», извлеченных из «Ночей». Почти одновременно свой перевод предпринял и Шарль-Пьер Колардо (Colardeau), опиравшийся, однако, больше на Летуэрнера, чем на Юнга.

В представлении Колардо автор «Ночей» был наделен слишком сильным воображением. Отсюда его типичное для классика стремление в переводе улучшать, облагораживать подлинник.¹² К чему такое обожествление, восклицал Колардо. Отчего бы переводчику не истребить пятна, не сгладить неровности, столь уродующие поэму и вызывающие у читателя отвращение?¹³ Перевод этот получил довольно широкую известность и одобрение.¹⁴ Даже Гримм, относившийся к Юнгу и его переводчикам несколько скептически и находивший в его поэзии чрезмерное обилие колоколов, могил, погребальных песнопений, воплей и призраков, не мог отказать Колардо в большом таланте и той особой мягкости стиха, которая незаметно располагает душу к «сладостной и нежной меланхолии».¹⁵

Новые переводы «Ночей» появляются и в дальнейшем. Однако перевод Летуэрнера сохраняет свое значение еще долгое время. Об этом свидетельствуют и критические суждения о нем, и много-

¹² См.: C.-B. West. La théorie de la traduction au XVIII siècle par rapport surtout aux traductions d'ouvrages anglais. — «Revue de littérature comparée», 1932, стр. 330—335.

¹³ Colardeau. Oeuvres complètes, t. I, Liège, 1778, стр. 90—92.

¹⁴ L'Almanach des Muses, 1771, стр. 181.

¹⁵ Correspondance littéraire, t. V, Paris, 1879, стр. 30.

численные его переиздания, и его роль в усвоении творчества Юнга за пределами Франции. Именно к Летуэрну — в той или иной мере — восходит большинство русских переложений Юнга, появившихся в свет на протяжении 1780—1800-х годов.

Первое по времени среди них — «Вождь к истинному благо разумию и к совершенному счастью человеческому, или Отборные о сих материях мысли славнейших в свете писателей: г. Шпалдинга, дю Мулина и Юнга». Книга эта представляла собой собрание философских размышлений и нравоучительных сентенций, извлеченных из сочинений Иоганна-Иоахима Шпальдинга и Антуана де Мулена. Что же касается Юнга, то он был в ней представлен первой «Ночью» в более чем вольном переводе «с перевода Турнера» (т. е. Летуэрна, — П. З.).¹⁶ Кроме того, в сборнике были помещены назидательные афоризмы его составителя и переводчика — Александра Васильевича Олешева, философа и знатока философии, в особенности немецкой.

Олешев рассматривал свой труд как средство нравственного воздействия на «благородных сограждан». «Все бытие нам было бы тщетно, коловратно и несносно, если бы мы навсегда оставили обожаемую добродетель, а следовали гнусным порокам», — восклицал он во вступлении к книге, всячески при этом восхваляя сельскую жизнь с ее трудами и радостями и призывая «любезных сограждан» безропотно отдаться «во власть премудростей и добродетелей».¹⁷ Лишь они, полагал Олешев, могут привести нас «истинным путем во храм святого благочестия и блаженного спокойствия».¹⁸ В подтверждение этой мысли и приводились в сборнике — наряду с другими — строки из знаменитой поэмы Юнга.

Другой перевод с французского, также появившийся в свет в 1780 г., принадлежал перу Ивана Герасимовича Рахманинова, известного главным образом своей издательской деятельностью и многочисленными переводами сочинений Вольтера, над которыми он трудился более десяти лет.¹⁹ Рахманинов отнюдь не скрывал, что его перевод был сделан не с подлинника: «Нощные мысли и другие некоторые сочинения г. Юнга с аглинского на французский, а с французского на российский язык переведенные И<ваном> Р<ахманиновым>», — указывалось в заглавии книги, а в посвящении В. С. Шереметеву Рахманинов писал:

¹⁶ Отрывок этот был напечатан под названием «О бедности человеческой», что точно соответствовало подзаголовку, которым Летуэрн снабдил свой перевод первой «Ночи» — «Les misères de l'humanité».

¹⁷ Вождь к истинному благо разумию и к совершенному счастью человеческому... СПб., 1780, стр. 3.

¹⁸ Там же, стр. 8.

¹⁹ О Рахманинове см.: Б. Ф. Мартынов. Журналист и издатель И. Г. Рахманинов. Тамбов, 1962. Приводимые в этой книге сведения о его переводах из Юнга нуждаются в отдельных уточнениях.

«Сочинение сие на французском языке, хотя и перевод с аглинского, но я должен признаться, что, будучи недостаточным в красноречии, преложением моим на российский язык далеко не дошел я в слоге до французского». Открывалась книга переводом «Ночей»; но «других некоторых сочинений» в ней было все же больше, чем собственно «ночных мыслей». Рахманинов «преложил» только две первых «Ночи» (правда, в их полном виде и, следовательно, «минуя» перевод Летуэрера) и множество других философско-дидактических произведений английского писателя: поэму «Страшный суд», повесть «Эвзебий, или Добродетельный богач», всевозможные нравоучительные высказывания и т. п. Иными словами, книга его представляла собой нечто среднее между избранными сочинениями Эдуарда Юнга и вышеназванным «Вождем».

В 1787 г. в Москве вышел еще один, анонимный, перевод «Ночных размышлений», сделанный с французского языка. В его основе лежал сборник извлечений из Юнга, составленный «при помощи Летуэрера» Жюли Карон, сестрой Бомарше, и озаглавленный «L'existence réfléchie, ou Coup d'oeil moral sur le prix de la vie» (1784).²⁰ Составительница не считала себя связанной исходным текстом, который подчас служил ей лишь отправной точкой для собственных раздумий. Она «обогащала» произведение Юнга мыслями, почерпнутыми у других авторов, нарушала последовательность «Ночей», разбивала их на главы, сокращала, исключая все то, что казалось ей слишком выпреним и длинным. Однако, несмотря на это, а может быть, именно поэтому антология Ж. Карон получила в России особенно широкую известность: «полный» Юнг был чересчур трудным чтением, доступным в основном лишь для хороших образованных людей.

«Бытие разумное» выдержало два издания (1787, 1812). В 1790 г. перевод этого сборника предпринял Карп Власевич Мисловский.²¹ В 1798 г. под названием «Дух, или Нравственные мысли славного Юнга, извлеченные из ношных его размышлений» перевод сборника опубликовал также Александр Яковлевич Андреев.²² Преподаватель инженерного корпуса, Андреев на протяжении 1780-х годов выпустил несколько переводов с французского, неизменно обнаруживая при этом склонность к сочинениям «нравственного содержания». «Образ добродетели и благонравия, или Жизнь и свойства Геллерта, славного немецкого писателя,

²⁰ Бытие разумное, или Нравственное воззрение на достоинство жизни. М., 1787.

²¹ «Разумное существо, или Нравоучительное рассуждение о цене жизни». Перевод этот остался неизданным и хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 152, № 120).

²² В «Росписи» Смирдина и «Словаре» Геннади «Дух, или Нравственные мысли славного Юнга» значится как перевод сочинения аббата Б. Бодрана (имеется в виду книга: *Esprit, maximes et pensées d'Young extraits de ses «Nuits», 1787*). Сравнение сборников показывает, что это сочинения одного и того же жанра, но не больше: состав их и текст различны.

описанные Иоганном-Андреем Крамером» и «Руководство к благонаравью, или Правила жизни... Сочинение, полезное для юношества» — так назывались эти книги, назначение которых было, по словам переводчика, «тронуть добродетельных людей».²³ «Руководством к благонаравью» должен был стать и сделанный им перевод «Ночей»,²⁴ главной особенностью которого, по сравнению с «Бытием разумным», было приложение: несколько стихотворений философско-дидактического характера, принадлежащих русским и иностранным поэтам — Ломоносову, Державину, Хераскову, Карамзину, Томсону и др. (В 1806 г. сборник был переиздан).²⁵

На протяжении 1790-х годов появилось еще по крайней мере три прозаических перевода из Юнга: сокращенные переложения первой, четвертой и пятой (по Летуэрну) «Ночей», сделанные Осипом Лузановым («О нищете человечества»)²⁶ и некоей М...ей Б...е («Нарцисса» и «Средство не страшиться смерти»)²⁷. К самому концу XVIII—началу XIX в. относится также первая попытка осуществить полный стихотворный перевод «Ночей», автором которого был Сергей Николаевич Глинка. Этот перевод вышел в свет в 1806 г. (в 1803 г. он был издан частично).

По собственному признанию, Глинка переводил с французского (английского языка он не знал), всецело опираясь на «прозу Летуэрнера». Между тем он понимал, что «никакой перевод в прозе творений великого поэта не может сохранить всей силы выражения и сладкогласия, сих отличительных одушевлений поэзии».²⁸ Поэтому свой перевод он рассматривал лишь как подражание «Ночным размышлениям» Юнга, как вольную их интерпретацию, естественно не требующую «той же степени изобретательной силы и чувства, какая нужна была и для самого сочинителя».

В отличие от Летуэрнера, каждой «Ночи» Глинка предпосылает эпиграф и посвящение. Большинство эпиграфов, заимствованных у различных иностранных — преимущественно французских —

²³ Образ добродетели и благонаравия, или Жизнь и свойства Геллерта, славного немецкого писателя, описанные Иоганном-Андреем Крамером. СПб., 1789, стр. II.

²⁴ Перевод нескольких отрывков из того же сборника был помещен в «Приятном и полезном препровождении времени» (1796, ч. 9, стр. 241—245, 289—304).

²⁵ В 1798 г. появилось и другое издание, восходящее к тому же французскому источнику, — «Картина бытия, помышлением созерцаемая, или Умственное воззрение на драгоценность жизни». Автором его считается Н. Морозов, «главного госпиталя ученик» (В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ч. III, СПб., 1904, стр. 124). Указание же на титульном листе: «Перевод с английского языка» едва ли справедливо.

²⁶ Воляи Эдуарда Юнга. СПб., 1791.

²⁷ «Иппокрена, или Утехи любословия», 1799, ч. IV, стр. 389—396, 401—410.

²⁸ Юнговы Ночи, в стихах, изданные Сергеем Глинкою. М., 1806, стр. 89. Об этом издании см.: А. В. См[ирно]в. Юнговы Ночи. — «Антиквар», 1902, № 9, стр. 298—299.

авторов (Паскаль, Малерб, Корнель, Вольтер, Руссо, Колардо), имеет «нейтральный» характер. Что же касается посвящений, то почти все они обращены к друзьям и современникам Глинки и потому придают «Юнговым Ночам» своеобразное звучание, как бы переадресуя их русскому читателю.

Более того, в некоторых случаях Глинка производит замену ряда тем. Так, вместо обращения к жене «Ночь» пятая открывается у него «воззванием» к матери:

Итак, уж для тебя не существует время;
Ты в вечности! А я, влача страданья бремя,
Все узы счастья со светом разорвал:
В твоей мне смерти рок удар последний дал.
Лишась отца, еще крепился я тобою;
Ты заменяла мне вселенную собою

и т. д. ²⁹

Эту вольность Глинка счел необходимым объяснить в своем предуведомлении: «Юнг, — писал он, — в начале сей ночи обращается к своей супруге; я осмелился заменить сие воззвание воззванием к матери моей. Надеюсь на благосклонность читателей. Кого не обезоружит имя матери? Оно составляло все счастье моей жизни, и я приношу ему единственный мой дар: изъявление сердечных чувств. Нежнейшая мать! Среди превратностей моей жизни, под игом необходимости я не всего лишен: я живу напоминанием о тебе!».³⁰

Наконец, перевод Глинки был стихотворным. В этом он как будто приближался к Юнгу. Но близость эта была только внешней. Александрийский стих Глинки вполне соответствовал французской прозе Летуэрнера и отнюдь не напоминал лаконичного десятисложника английского оригинала, которого русский переводчик никогда не читал.

Одновременно с русскими переводами «Ночей», восходящими к всевозможным французским текстам, с конца 1770-х годов постепенно начинают появляться переложения с немецкого, а затем и с английского языка.

В немецких литературных кругах имя Юнга получило известность уже в середине 1740-х годов, т. е. вскоре после выхода в свет его поэмы (отдельные сведения время от времени проникали в Германию и раньше). В 1751 г. вышел прозаический перевод семи первых «Ночей» на немецкий язык, сделанный Иоганном-Арнольдом Эбертом. В следующем году этот перевод был дополнен и затем неоднократно переиздавался (1753, 1756, 1763). Предпринимались также попытки (во всех случаях незавершенные) осуществить стихотворный перевод поэмы: двенадцатисложником (Гейзау), гекзаметром (Чарнер и Кайзер), трохеическим окта-

²⁹ Юнговы Ночи, стр. 67.

³⁰ Там же, стр. 63.

метром (анонимно) и, наконец, нерифмованным десятисложником (Эдер), т. е. размером подлинника. Особенно большую роль в усвоении немецкой литературой творчества Юнга сыграл второй, комментированный, перевод «Ночей», также выполненный Эбертом (1760—1771).³¹

С этого перевода и был осуществлен первый полный перевод «Ночей» Юнга на русский язык, принадлежащий Алексею Михайловичу Кутузову. Пленившись глубокими мыслями «истинного стихотворца сего», во многом созвучными его собственным,³² и убежденный в «пользе, которую всякий добросердечный человек из книг его почерпнуть может»,³³ Кутузов работал над своим переводом с большим упорством в течение нескольких лет: ранние журнальные публикации его труда относятся к 1778—1780 гг.,³⁴ весь перевод был напечатан лишь спустя семь лет.³⁵ Тщательный, снабженный обширными комментариями (отчасти заимствованными у Эберта), перевод Кутузова был несомненно самым значительным в истории русского юнгианства. Об этом свидетельствуют и его переиздания (1799, 1812), выходявшие, кстати, несмотря на то что в это время существовал уже «Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии, аглинское творение г-на Юнга...» (1799).

Самое название книги было уже довольно характерно: речь шла о переводе на русский язык «аглинского» произведения, а не его французского или немецкого перевода. Кроме того, об использовании оригинала говорила также и форма имени автора — Юнг, а не традиционная, шедшая от французского, — Юнга. На это не без гордости указывал и сам переводчик, скрывавшийся под литерами С. Д. Напомянув в предисловии, что перевод 1785 г. был сделан с немецкого, он обращал внимание читателей на то, что с его стороны «всевозможное употреблено старание, чтоб везде сохранить в точности смысл, а часто слова и выраже-

³¹ На протяжении XVIII в. в Германии был переведен едва ли не весь Юнг, в том числе и его сатиры, и его трагедии, и его трактат «Размышления о самобытном творчестве» («Conjectures on originally Composition»), оказавший огромное воздействие на развитие немецкой эстетической мысли преромантического периода. Об этом см.: J.-L. Kind. *Young in Germany*. New York, 1906.

³² См.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1906, стр. 152—155; Ю. М. Лотман. Из истории литературно-общественной борьбы 1780-х годов. А. Н. Радищев и А. М. Кутузов. — В сб.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950, стр. 81—116.

³³ Рукописный отдел Инст. русск. литерат. (Пушкинского дома) АН СССР, арх. бр. Тургеневых, № 98, л. 10 (письмо от 5 декабря 1782 г.). См.: Труды по русской и славянской филологии, т. VI, Тарту, 1963, стр. 305.

³⁴ «Утренний свет», 1778, ч. IV, стр. 229—286; 1779, ч. V, стр. 161—189; ч. VI, стр. 175—271; ч. VII, стр. 1—41, 269—343; 1780, ч. VIII, стр. 99—172.

³⁵ Э. Юнг. Плач, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии, в девяти нощах помещенные. М., 1785.

ния аглинского подлинника»,³⁶ а несколько дальше, говоря о трудностях, «кои переводчику надлежало преодолеть при переводе», замечал, что они «известны могут быть только тем, кои читали самый подлинник».³⁷

Пренебрежительно отзываясь о переводе Кутузова (что не мешало ему полностью заимствовать у своего предшественника подстрочный комментарий), С. Д. отчетливо сознавал, однако, что и в его собственном переложении стиливое своеобразие поэмы Юнга передано лишь весьма приблизительно. «Сие творение, — пояснял он, — писано белыми стихами и самым дерзновенным и новым стилем», который далеко не всегда поддается переводу. Основная ценность произведения Юнга заключалась, по мнению переводчика, в его необыкновенной философской глубине, и потому он прежде всего стремился к точности (дабы «российские читатели могли восчувствовать в сем точном переводе весь жар человеколюбивого и благоговейного Юнга»),³⁸ а затем уже к воссозданию всевозможных «стихотворческих красот». «Сим образом, — оправдывал он свою точку зрения, — недостатки нынешнего перевода покроются, и приуготовлен будет путь к вящему оного исправлению, и Юнг останется любимым в России, как и во всей Европе, писателем».³⁹

Равнодушие к воспроизведению «стихотворческих красот» Юнговых «Ночей» обнаружил и Михаил Алексеевич Паренаго, хотя его перевод так и назывался — «Стихотворческие красоты Эдуарда Юнга» (1806). В основе книги Паренаго лежала английская антология Дж. Эванса (*Beauties of Edward Young*, 1802) или же ее французский перевод, сделанный Б. Баррером в 1806 г. Последнее, впрочем, вероятней, поскольку французский вариант антологии был распространен в России больше, чем оригинал. При этом утверждение: «перевел с английского Мих. Паренаго», видимо, остается в силе, так как Баррер в своей книге привел весь английский текст *en regard*. Не исключена также возможность, что Паренаго пользовался обоими текстами одновременно. Что же касается содержания книги, то это была типичная антология — собрание наиболее примечательных мест из Юнга, облегчавшее русскому читателю путь к «нравственным сочинениям» этого «гения, славного в Европе».⁴⁰

Таким образом, с начала 1770-х и до середины 1800-х годов «Ночные размышления» переводятся на русский язык почти непрерывно. Полные и сокращенные, восходящие к разным — французским, немецким и английским — источникам, переводы эти сле-

³⁶ Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии, т. I, СПб., 1799, стр. XXII.

³⁷ Там же, стр. XXIII.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Стихотворческие красоты Эдуарда Юнга. М., 1806, стр. 1.

дуют один за другим, вызывая к себе неизменный интерес в читательской среде. Полтора десятка переводов одного и того же литературного произведения на протяжении нескольких десятилетий — не считаться с подобным фактом нельзя. Каким бы частным и второстепенным этот факт ни казался, его следует понять и исторически объяснить; в противном случае неизбежно окажутся неполными и недостаточными наши представления о литературном процессе в России последней трети XVIII в., а также о русско-западных литературных связях этих лет.

